

*А. В. Ващенко**

САМОПОЗНАНИЕ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ И ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье рассматривается становление философской практики самопознания в античности. Показано, что проблематика самопознания, наиболее рельефно выраженная в диалогах Платона, была также представлена в христианской традиции. Автор показывает взаимосвязь и взаимодополняемость философского и христианского осмысления самопознания. Утверждение приоритетности познания своей души перед познанием мира (антифизикализм) и понимание самопознания как гносеологического самоограничения были характерны как для древнегреческой философской мысли, так и для христианской аскетической традиции. В то же время концепция самопознания в христианстве обрела новое (религиозное) смысловое наполнение, что позволяет говорить о ее христианизации.

Ключевые слова: самопознание, практическая философия, гносеология, Платон, христианство, античная философия.

A. V. Vashchenko

SELF-KNOWLEDGE IN ANCIENT PHILOSOPHICAL THOUGHT AND CHRISTIAN TRADITION

The paper deals with the formation of philosophical practice of self-knowledge in antiquity. It is shown that the problem of self-knowledge, most prominently expressed in the dialogues of Plato, was also presented in the Christian tradition. The author shows the relationship and complementarity of philosophical and Christian understanding of self-knowledge. The assertion of the one's soul cognition priority over the world cognition (antiphysicalism) and understanding of self-cognition as gnoseological self-limitation — these ideas were typical both for the ancient Greek philosophical thought and for the Christian ascetic tradition. At the same time, the concept of self-knowledge in Christianity has acquired a new (religious) semantic content, which allows us to talk about its Christianization.

Keywords: self-knowledge, practical philosophy, epistemology, Plato, Christianity, ancient philosophy.

* Ващенко Андрей Вадимович, настоятель храма свв. апп. Петра и Павла на Сампсоньевском пр. при Сухопутном военном госпитале Военно-медицинской академии; andrei_vashenko@mail.ru

Проблему самопознания нельзя отнести к узкоспециальным философским вопросам, она всегда волновала людей, более того — человек оказывается волей-неволей «заброшен» в ситуацию неизбежного самопознания, механизм самопознания задействован всю сознательную жизнь личности. В то же время, коль скоро идея самопознания была впервые озвучена и проанализирована в философии, то для лучшего ее понимания необходимо рассмотреть этот вопрос в его историческом развитии в русле «профессиональной» философии, для которой тема самопознания была и остается актуальной. Кроме того, в силу парадигмальности концепции самосознания, в связи с ее оригинальным преломлением и развитием в христианской традиции, следует также обратить внимание на интерпретацию самопознания в святоотеческих текстах.

Согласно разработанной в античной философии схеме, существует три направленности души человека: разумная, волевая и чувствительная. Разумная сторона души «ответственна» за познание. Надо сказать, что познание в свою очередь также имеет свою внутреннюю градацию, свою направленность. Используя терминологию и философскую интуицию Гуссерля, можно сказать, что познание — это всегда познание чего-то, оно *интенционально*. Оно может быть направлено на сам мыслящий субъект (*самопознание*) и на объект (познание внешнего мира, наличной действительности). Особняком стоит познание, направленное на Абсолют (Богопознание), занимающее важное место в религиозно-философском дискурсе.

Познание самого себя — одно из важнейших направлений в построении целостного мировоззрения человека, т. е. системы собственных убеждений. Вопрос «Кто я?» относится к мировоззренческим вопросам, отвечая на которые человек формирует себя как личность.

Не будет преувеличением, если мы скажем, что все философские проблемы были сформулированы уже в античности и последующее развитие философского знания — это, по сути, поиск ответов на поставленные древними мудрецами вопросы. Зародившись в Древней Греции, философия проделала долгий путь, появились новые философские системы и новые направления философского поиска, это развитие продолжается и сегодня. Философское знание отличается от научного, и одно из ключевых отличий — представление о перманентной актуальности философского наследия. Конечно, некоторые идеи даже великих мыслителей, отражающие представления своей эпохи, сегодня кажутся устаревшими и наивными. Вместе с тем собственно *философское содержание* текстов древнегреческих мыслителей остается актуальным и сегодня (см.: [2]). Осмысление многих философских вопросов невозможно без обращения к текстам античных философов как к полноправным и актуальным источникам философского знания.

Проблема самопознания относится к различным областям философского знания. Во-первых, что наиболее очевидно, учение о *познании* самого себя должно входить в круг проблем гносеологии. Один из важнейших разделов философского знания, гносеология, зарождается вместе с появлением самой философии. Термин *гносеология* появляется значительно позже (введен Э. Целлером в 1862 г. для обозначения философского учения о познании), однако гносеологическая проблематика *изначально* вошла в философский дискурс,

причем *познание* рассматривалось первоначально в аспекте *самопознания*. Во-вторых, самопознание следует рассматривать как проблему такого направления философского знания, которое позже будет обозначено как философская антропология. Призыв к самопознанию — это призыв к познанию *человека*. И наконец, что самое важное: самопознание было понято античными мыслителями не столько как теоретическая проблема (т. е. как проблема гносеологическая или философско-антропологическая), сколько как вопрос жизни. Жизни, а не *мышления* о жизни!

Философия развивалась древнегреческими мыслителями, с одной стороны, как теория (как дискурс), с другой стороны — как практика, практика жизни. Античные философы учили не только как мыслить, но и как жить. Эта черта древнегреческой философской традиции, надо сказать, впоследствии являла себя в трудах некоторых мыслителей (например, философия стоиков, Боэций «Утешение философией», тексты Ницше; в русской философии — В. В. Розанов, и др.). П. Адо констатирует:

Вся античность признавала, что Сократ был философом больше своей жизнью и своей смертью, чем своими речами. И античная философия всегда оставалась сократической в той мере, в какой она всегда представляла самое себя скорее как образ жизни, а не как теоретическую речь [1, с. 339–340].

Самопознание предстает с одной стороны как одно из направлений такой практической философии, с другой стороны как его *предпосылка*. Ведь для того, чтобы понять, как жить, нужно осмыслить, *кто ты*.

При наличии некоторой смелости можно высказать не лишнее оснований суждение: *первичный* интерес философии, первичный ее вопрос — это вопрос о себе, т. е. о человеке, об объекте мысли и действия, а все последующие проблемы (онтологические, метафизические, религиозные и т. д.) по сути исходят из этого центрального вопроса. Философия зарождается в связи с призывом к самопознанию, свидетельство чему — известный призыв «Познай самого себя» (Γνῶθι σαῦτόν), первый источник по проблеме самопознания в древнегреческой философии и один из первых философских текстов. Авторство этого изречения традиционно приписывают одному из легендарных семи греческих мудрецов Хилону, жившему в VI в. до Р. Х. Диоген Лаэртский указывает Фалеса как автора этого изречения [6, с. 75]. Общеизвестно, что эти слова были начертаны на храме Аполлона в Дельфах. Должно было пройти время, чтобы философы вернулись к этому первичному вопросу философии. После натурфилософов, сосредоточенных на познании первопричины космоса, появляется фигура Сократа, который взял на вооружение дельфийскую надпись, а после него эту тему подхватывает и Платон. «В сравнении с остальными древнегреческими мыслителями, — отмечает М. А. Гарнцев, — Сократ и Платон внесли, пожалуй, наиболее весомый вклад в философское осмысление дельфийского изречения Γνῶθι σαῦτόν («Познай самого себя»)» [3, с. 28].

Первая революция в европейской философии связана с возвращением на арену философского поиска дельфийской надписи. Главный вершитель этой революции, Сократ, противопоставил натурфилософским изысканиям своих предшественников принципиально новое проблемное поле. Происходит смена

объекта философского вопрошания — теперь это уже не природа (космос), но сам человек, его душа.

Философствование Сократа было лишено системности. Вообще мало что известно об историческом Сократе; кроме того, нет возможности и привести во свидетельство какие-либо философские тексты Сократа ввиду их отсутствия. Нам, однако, известно, что Сократ был любителем парадоксальных суждений и кратких речений, среди которых наиболее известны и наиболее важны следующие: «Познай самого себя» и «Я знаю, что я ничего не знаю». Эти две фразы взаимосвязаны. Призыв к самопознанию *ограничивается* констатацией предела человеческих познавательных способностей, смиренным (говоря на языке христианской этики) осознанием ненадежности и условности результатов наших познавательных усилий. Также взаимосвязь этих двух сентенций может быть высвечена в другом ракурсе: познавая себя, человек познает свою ограниченность, свое «невежество», что в свою очередь служит толчком к дальнейшему познанию — себя, мира, Бога. Как пишет П. Адо, «миссия Сократа заключается в том, чтобы пригласить своих современников исследовать свое сознание, озаботиться своим внутренним движением вперед» [1, с. 35].

Самопознание как реализация практической философии в античной философии вписывается в более масштабный проект древнегреческих философов, который обозначается как *забота о себе* (греч. ἐπιμέλεια ἑαυτοῦ). Забота о себе — это практика «духовных упражнений» (в терминологии П. Адо), и самопознание играет здесь ключевую роль. Оно и есть такое *духовное упражнение*, которое предстает в практической плоскости (в случае Сократа) как некий внутренний диалог, диалог с самим собой. Диалоги Платона (коль скоро воспринимать их не как протоколирование имевших место философских разговоров, а как литературные произведения, оформленные в соответственном жанре) также можно рассматривать как, в первую очередь, опыт самопознания. Как отмечает П. Адо,

сократический диалог представляется таким образом как практикуемое совместно духовное упражнение, которое призывает к внутреннему духовному упражнению, то есть к нравственной самопроверке, к вниманию к себе, словом, к знаменитому «познай самого себя».

И чуть ниже:

Мастер диалога с другими, Сократ — и в изображении Платона, и Аристофана — мастер диалога с самим собой, то есть мастер практики духовных упражнений. Он нам представлен способным на чрезвычайное умственное сосредоточение [1, с. 35–36].

В философии Платона учение о самопознании развивается, конкретизируются некоторые частные вопросы, связанные с этим философским упражнением. Самопознание — удел рассудительного человека: «...один только рассудительный человек может познать самого себя и выявить, что именно он знает и что — нет» [12, с. 358], — читаем мы в диалоге «Хармид». Платон даже отождествляет рассудительность (греч. σωφροσύνη — благоразумие, рассудительность, здравый смысл) и самопознание, а фраза «Познай самого себя», начертанная на Дельфийском храме, интерпретируется не иначе как: «Будь рас-

судительным!» [12, с. 355–356]. Рассудительный человек через познание самого себя осознает пределы своих познавательных способностей: «Таким образом, быть рассудительным и рассудительность и самопознание — все это означает не что иное, как способность знать, что именно ты знаешь и чего не знаешь» [12, с. 358]. Как мы видим, для Платона ценность самопознания определяется его *сдерживающей способностью*, оно полагает предел гносеологическому оптимизму. Познавая себя, мы познаем свою «немощь», познаем, что есть области непознанного, неизъяснимого. Все это очень созвучно христианскому отношению к познанию, одна из граней которого раскрыта апостолом Павлом: «Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать» (1 Кор. 8: 2); самопознание провозглашается как инструмент самообуздания, инструмент для достижения «гносеологического смирения». В каком-то смысле это свойство самопознания — его ограничительная функция — служит преддверием апофатического мышления, когда в познании Бога мы ставим предел нашим рассуждениям о Его сущности, признаем условность и смутность наших представлений о Нем.

В диалоге «Алкивиад» самопознание наделяется высоким статусом: от способности к познанию самого себя зависит возможность управлять государственными и домашними делами (Plato. *Alcib. Major*, 133e [10, с. 263–264]). Познание себя — это познание *своих* свойств, а также познание свойств *другого*: «При этом всякий, кто не знает своих свойств, не может знать соответственно и свойств других людей» [10, с. 264]. Сократ убедительно доказывает Алкивиаду, что душа главенствует над телом и что познание себя — это познание своей души: «...тот, кто велит нам познать самих себя, приказывает познать свою душу» [10, с. 259]. Отметим, что впоследствии христианское учение о самопознании будет развиваться как познание своей собственной души, своего духовного мира. Кроме того, самопознание в «Алкивиаде», так же, как и в «Хармиде», отождествляется с рассудительностью [10, с. 260], которая, как мы уже отметили, предполагает познание разграничения между познанным и непознанным.

Познание самого себя — это предпосылка заботы о себе (ἐπιμέλεια ἑαυτοῦ): «Но, Алкивиад, легко ли это или нет, с нами происходит следующее: познав самих себя, мы одновременно познаем заботу, в которой нуждаемся, а без такого познания мы никогда этого не поймем» [10, с. 256]. Забота о себе, в свою очередь, — это забота о своей душе. Соответственно, самопознание открывает нам потребности нашей души, высвечивает приоритет духовного над материальным. Очень созвучна христианским представлениям мысль Платона, высказанная им в контексте выяснения сущности заботы о себе: «...надо заботиться о душе и именно на нее обращать внимание. <...> Ну а заботу о наших телах и имуществе следует предоставить другим» [10, с. 261]. Иисусом также была озвучена мысль об иерархичности «забот» в жизни человека: «И сказал ученикам Своим: посему говорю вам, — не заботьтесь для души вашей, что вам есть, ни для тела, во что одеться: душа больше пищи, и тело — одежды» (Лк. 12: 22–23).

Конечно, Платон не выстраивает некоей системы или концепции самопознания, он не дает и готовых ответов на поставленные вопросы, его задача — предложить основания для решения заявленных гносеологических проблем. Устами Сократа Платон высказывает мысль о трудности самопознания,

сложности его реализации и в то же время — о его первичности: «... я никак еще не могу, согласно дельфийской надписи, познать самого себя. И по-моему, смешно, не зная пока этого, исследовать чужое» [11, с. 138]. Самопознание предстает в диалогах Платона как инструмент для продвижения на своем *самостоятельном* жизненном пути, инструментом, используя который человек сможет найти ответы на свои мировоззренческие вопрошания. Самопознание в античной философии предстает как духовное (философское) упражнение. Это упражнение научает умеренности, гносеологическому смирению. Именно самопознание приводит к осознанию своего «незнания». Как мы уже отметили, два принципиально важных сократовских лозунга («Познай самого себя» и «Я знаю, что ничего не знаю») взаимосвязаны, теперь, благодаря обращению к текстам Платона, эта взаимосвязь становится более ясной.

Концепция самопознания в античности наиболее ярко выражена у Платона. К ней обращались и другие великие древнегреческие мыслители — Аристотель, Плотин, но новое рождение учения о самопознании связано с появлением этой темы в христианской традиции. Призыв к самопознанию выражен апостолом Павлом в Послании к Тимофею: «Вникай в себя и в учение; занимайся сим постоянно: ибо, так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя» (1 Тим. 4: 16). Наиболее отчетливо проблематика самопознания затрагивается в святоотеческом наследии.

Для изъяснения богословских истин христиане в эпоху Вселенских соборов стали использовать язык античной философии. Но христианизация эллинской мудрости произошла не только в области теоретической. Как нам кажется, на вооружение были взяты и некоторые философские практики, к которым относится и самопознание. «Духовное упражнение» самопознания было также христианизировано. Самопознание для христианских авторов — инструмент Богопознания. Так, Климент Александрийский писал: «Прекраснейшей и важнейшей из всех наук несомненно является самопознание. Потому что, кто сам себя знает, тот дойдет до познания и Бога» [8, с. 213].

Отметим, что вопрос о *влиянии* философской античной концепции самопознания на христианскую традицию остается открытым. Однако взаимосвязь, концептуальная близость философского и христианского подходов к самопознанию очевидны. Э. Жильсон даже использовал для обозначения христианизации платоновского наследия особый термин — «христианский сократизм». «В самом деле, — отмечает Жильсон, — есть элемент, общий сократизму Сократа и сократизму, который обнаруживается у Отцов Церкви или у философов Средневековья: это их антифизикализм. Ни те, ни другие не осуждают изучение природы как таковое, но согласны в том, что познание самого себя для человека гораздо важнее познания внешнего мира» [7, с. 298]. Эта мысль может быть проиллюстрирована цитатой из святителя Григория Богослова: «Для чего меряешь горстию воду, небо пядию, и всю землю горстию (Пс. 40: 12), — меряешь великие стихии, измеряемые для одного лишь Творца? Прежде всего познай самого себя, рассмотри, что в руках, кто ты» [4, с. 477].

Блаженный Августин в своей «Исповеди» разворачивает беспрецедентный доселе опыт самопознания. Только это уже не философское познание себя, это *христианский проект*: через познание себя автор познает и Бога, познает свою

греховность и свои нравственные качества. Представители восточно-христианской аскетической традиции были сосредоточены на рассмотрении внутренней жизни души. Восприятие самопознания как познания своей глубинной сущности, своей души с ее страстями и грехами происходит в традиции исихазма. В молчании (исихии) человек созерцает Божественный нетварный свет. Но практика исихазма — это еще и практика самопознания. Опыт безмолвия приводит не только к Богопознанию, но и «к ответу на требование “узнай себя”, так как самость человека, “самое само” может быть открыто лишь перед взором Бога, где нет и не может быть говорения» [14, с. 126]. Призыв «Познай самого себя» даже дословно цитировался отцами-исихастами. Например, его воспроизводит преподобный Никита Стифат как некую общеизвестную мысль: «...автор не указывает ее конкретного происхождения, а ссылается на нее как на мудрое речение, находящееся в общем достоянии» [15, с. 98]. Святой отец пишет: «Познай себя самого; и это есть воистину истинное смирение, научающее смиренномудрствовать и сокрушающее сердце» [9, с. 121]. О смирении как о необходимом «компоненте» самопознания пишет и святитель Григорий Палама. Самопознание невозможно без изгнания «из собственного ума» гордости и лукавства, и «кто не приведет своего ума таким путем и к такому устроению, тот не увидит даже своего незнания, а только с этого начинается успешное познание самого себя» [5, с. 73]. Как мы видим, у некоторых христианских писателей можно отметить восприятие самопознания как ограничения, как смирения, как познания своего «незнания», т. е. в том же ключе, как оно понималось у Сократа и Платона.

Учение о самопознании оказалось актуальным не только для христианского богословия (или лучше сказать — христианской аскетики), оно получило свое дальнейшее развитие в трудах некоторых философов, среди которых Р. Декарт, Б. Паскаль, С. Кьеркегор, Ж.-П. Сартр, Л. Витгенштейн, Э. Гуссерль, и др. Самопознание как метод (*интроспекция*) используется также в психологии. Отметим, что *религиозный смысл самопознания* интуитивно прозревает и современная философия. Современный исследователь проблем самопознания Д. Г. Трунов пишет:

Так, потребность найти надежное основание для своего бытия и своего самопознания, а также понимание невозможности быть открытым до конца никому и даже самому себе, приводят человека к идее Бога как Существа (Силы, Сознания, Разума, Закона, и пр.), всецело обосновывающего мое бытие, своеобразного абсолютного эксперта в моей субъективности [13, с. 87].

Подводя итог нашему краткому исследованию, сделаем несколько выводов. В древнегреческой философской мысли самопознание понималось как необходимое направление практической философии, как предпосылка заботы о себе. Философская практика самопознания выступает инструментом для формирования собственного мировоззрения. Декларируется высокий статус самопознания: оно необходимо для становления личности, кроме того — познание себя (своей души) неизмеримо важнее познания мира. Наиболее рельефно учение о самопознании представлено в философии Платона, воспринявшего от Сократа это направление практической философии. Платон не предлагает целостной и стройной концепции самопознания, однако именно он задает вектор для ее дальнейшего развития. Самопознание необходимо для осозна-

ния своей познавательной «немощи», именно через познание себя достигается состояние интеллектуального смирения (сократовское «я знаю, что ничего не знаю»). Самопознание отождествляется с рассудительностью (*σωφροσύνη*), оно выступает также инструментом для познания других.

Идея самопознания была воспринята в христианской традиции. Эта античная философская практика была христианизирована, наполнена новым содержанием. Однако в некоторых аспектах улавливается взаимосвязь философского и христианского подходов. В частности, в антифизикализме, т. е. в приоритете самопознания над познанием мира, и в понимании самопознания как самоограничения; через самопознание происходит достижение познавательного смирения, осознание ограниченности и условности наших познавательных способностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. — М.; СПб., 2005.
2. Ахутин А. В. Со-временность философий // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. — 2009. — Т. 1, № 19. — С. 147–149.
3. Гарнцев М. А. Проблема самосознания в западноевропейской философии (от Аристотеля до Декарта). — М., 1987.
4. Григорий Богослов, свт. Слово 32, о соблюдении доброго порядка в собеседовании, и о том, что не всякий человек и не во всякое время может рассуждать о Боге. // Григорий Богослов, свт. Творения: в 2 т. — СПб., 1912. — Т. 1. — С. 463–481.
5. Григорий Палама. Триады в защите священно-безмолвствующих. — М., 1995.
6. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. — М., 1979.
7. Жильсон Э. Дух средневековой философии. — М., 2011.
8. Климент Александрийский. Педагог. — М., 1996.
9. Никита Стифат. Вторая сотница естественных психологических глав об очищении ума // Добролюбие. — М., 1900. — Т. 5. — С. 111–144.
10. Платон. Алкивиад I / пер. С. Я. Шейнман-Топштейн // Платон. Собр. соч.: в 4 т. / общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. — М.: Мысль, 1990. — Т. 1. — С. 220–267.
11. Платон. Федр / пер. А. Н. Егунова // Платон. Собр. соч.: в 4 т. / общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. — М.: Мысль, 1993. — Т. 2. — С. 135–191.
12. Платон. Хармид / пер. С. Я. Шейнман-Топштейн // Платон. Собр. соч.: в 4 т. / общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. — М.: Мысль, 1990. — Т. 1. — С. 341–371.
13. Трунов Д. Г. Идея Бога и самопознание // Вестник РХГА. — 2009. — Т. 10, вып. 2. — С. 82–90.
14. Чалдышкина М. В. GNOTHI SEAUTON: молчание как путь к познанию // Омский научный вестник. — 2013. — № 2 (116). — С. 125–126.
15. Шленов Д. Принцип «познай себя» у преподобного Никиты Стифата в контексте византийской традиции // Богословский вестник. — 2018. — № 28, вып. 1. — С. 96–126.